

Е.Н. МИТЕВА
(г. Одесса, Украина)

УДК 821.161.1.09 (Цветаева М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445

КОНЦЕПТ «РЫЦАРСТВО» В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ «Я С ВЫЗОВОМ НОШУ ЕГО КОЛЬЦО...»

Аннотация. В статье осмысливается самобытность цветаевской интерпретации концепта «рыцарство» в смысловой структуре стихотворения «Я с вызовом ношу его кольцо...» («С. Э.»), посвященного Сергею Эфрону.

Ключевые слова: концепт, рыцарство, символика, авторский миф, Сергей Эфрон.

В творчестве М. Цветаевой довольно значительный пласт лирики посвящен Сергею Эфрону. Образ мужа занимает важное место в авторском мифе поэтессы. Но в цветаеведении стихотворения, обращенные к данному адресату, рассматривались, как правило, исключительно в биографическом контексте. При этом следует отметить, что лирика, адресованная С. Эфрону интересна не только с точки зрения реальных взаимоотношений между супругами и их судеб, но и прежде всего в аспекте интерпретации символики, авторских мифологем, мотивного и тематического рядов, а также концептов, которые представлены в этой группе цветаевских текстов. К таким текстам, несомненно, относится ранее стихотворение «Я с вызовом ношу его кольцо...» («С. Э.»).

Многие ученые, работая с понятием «концепт», накопили значительную теоретическую базу в понимании данного термина и его наиболее важных характеристик. Е.С. Кубрякова в определении концепта акцентирует, что это «некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании» [Кубрякова 2004: 316]. С точки зрения Ю.С. Степанова концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2004: 43]. Отличительной чертой концептов является то, что они предстают как «интерпретаторы смыслов» [Кубрякова 1996: 91] и «некие “потенции” значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом» [Лихачев 1993: 155]. Не менее важной является особенность концепта получать «генетическое определение», складываясь «из исторически разных слоёв, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике» [Степанов 2004: 60].

Таким историческим слоем концепта «рыцарство» в цветаевском ментальном мире становится культурный феномен рыцарства, порождённый эпохой Средневековья. Но М. Цветаева переосмысляет генетический показатель данного концепта. Поэтесса проецирует рыцарский кодекс и мифологемы на личность Сергея Эфрона, вернее на то, каким муж предстаёт в её лирике. М. Цветаева, сохраняя ряд показателей культурной модели рыцарства, трансформирует и интерпретирует их, создавая свою модель, которая соответствует установке зарождающегося авторского мифа.

Стихотворение «Я с вызовом ношу его кольцо...» («С. Э.»), включающее в свое название посвящение, было написано 3 июня 1914 года во время одного из пребываний М. Цветаевой в Коктебеле и посвящено любимому и дорогому человеку – Сергею Эфрону. На тот момент они были уже женаты.

Я с вызовом ношу его кольцо
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. –
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями распахнутых бровей –
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
– Всем вам, кто жил и умирал без страху. –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

[Цветаева кн. 1 1997: 202]

Встреча с семнадцатилетним Сергеем произошла в Коктебеле, в доме Максимилиана Волошина. Марина Цветаева любила находиться в этом городке и «двухмесячное житье в Коктебеле поистине явилось для неё пребыванием в раю. Природа этого уголка на всю жизнь стала “местом её души”» [Саакянц 1997: 26]. Чувства, связавшие их, представлялись столь сильными и прочными – любовью на всю жизнь. В письме к Василию Розанову М. Цветаева признается: «Серёжу я люб-

лю бесконечно и навеки...» [Цветаева 1998: 120]. В этом же письме поэтесса утверждает, что «за три – или почти три – года совместной жизни – ни одной тени сомнения друг в друге» [Цветаева 1998: 121].

Стихотворение «Я с вызовом ношу его кольцо...» – утверждение любви и обет верности мужу. Практически с самого начала обращают на себе внимание обилие символов. Лирическая героиня заявляет: «Я с вызовом ношу его кольцо!». Но почему «с вызовом»? Очевидно, поэтесса имеет в виду верность и преданность своему мужу. В то же время возникает ощущение предчувствия некой трагичности и даже жертвенности – платы за избранность судьбы обоих супругов¹ [Цветаева кн. 2 1997: 284]. Для зарождающегося мифа М. Цветаевой принципиально акцентирование своей духовной связи с С. Эфроном, взаимного долга хранить друг друга, заданного свыше. Кольцо имеет форму круга и означает бесконечность и непрерывность – в контексте стихотворения вечность любви двух ярких и талантливых людей. Кольцо символизирует «обет супружеской верности» [Андреева 2004: 244], а в подобии своей формы колесу включает в свою символику значение построения «будущего <...> бесконечный цикл обновления, весну» [Бенуас 2004: 61]. Кроме того, кольцо – знак духовного богатства и принадлежности к чему-либо. В данном случае имеет место принадлежность к рыцарству. Несомненно, образ Сергея Эфрона в данном стихотворении впервые мифологизируется и связывается с темой рыцарства.

В куртуазной литературе мужчина воспевает возлюбленную. Правила куртуазного поведения предписывали проявление рыцарской любви как преданное служение Даме. Характерно, что «применительно к женщине любовная связь выражается в юридических терминах *saisie, saisir* (“владение”, “владеть”); применительно к мужчине – *service, server* (“служение”, “служить”))» [Зюмтор 2003: 485]. В стихотворении, посвященном С. Эфрону наоборот – жена воспевает любимого мужа. Единение с мужем представлялось в авторском мифе М. Цветаевой еще и своего рода братством, а обручальное кольцо окзывалось предметом, приобщающим своего носителя к рыцарству.

В культуре для феномена рыцарства «начиная с “Песни о Роланде”» – были приоритетны – «два полюса, вокруг которых вращалась <...> модель воинского этноса, – **доблесть** и **мудрость**. Обладание

¹ В комментарии к стихотворению, сделанном А. Саакянц, сказано: «Кольцо, на внутренней стороне которого выгравирована дата свадьбы и имя Марина, находится ныне в Государственном Литературном музее в Москве; “его” кольцо, с именем Сергей, не сохранилось» [Цветаева кн. 2: 284].

доблестью предполагало храброе поведение в бою, продиктованное стремлением избежать позора и поиском военной славы. Под мудростью подразумевались жизненный опыт и проницательность» [Лучицкая 2003: 435]. Марина Цветаева самобытно интерпретирует кодекс рыцарства. Поэтесса не видит в своем муже истинного искателя славы. В цветаевском осмыслении концепта «рыцарство» соединяются установка как на противостоянии устоям куртуазной культуры, так и следованию ряду из них. Безусловно, М. Цветаевой импонирует идея, что в «тонах благочестия и пристойности, сдержанности и верности рисовался прекрасный образ идеального рыцаря» [Хейзинга 2011: 126], и поэтесса заимствует представления об идеальном рыцаре, вводя как одну из идеологем своего творчества.

М. Цветаева большое внимание уделяет внешности мужа, в подтверждение сопричастности С. Эфрона рыцарству. Обращение к внешности присуще для цветаевской манеры на раннем этапе творчества. «Не презирайте “внешнего”!» [Цветаева 1997 кн. 1: 230] – утверждала поэтесса. В период создания стихотворения внешний облик представлялся ключом к моральной сущности человека, к его внутреннему миру.

Сергей Эфрон обладал романтической внешностью – был высоким и худым, имел огромные глаза и узкое лицо. В своем лирическом послании М. Цветаева сравнивает лицо мужа со шпагой – символом чести и мужества. Признаками лица, которое «подобно шпаге» становятся аскетизм, отрешенность и печаль, что подчеркивает иконописность и принадлежность к высшему. Когда поэтесса пишет: «Безмолвен рот его, углами вниз...», то имеет в виду печаль. Из биографии С. Эфрона известно, что юноша был печален и раним, кроме того зачастую чувствовал себя одиноким человеком. И действительно, кольцо, шпага, печаль являются также атрибутами рыцарства.

Жертвенность и печаль позволяют соотнести в ментальном универсуме М. Цветаевой образ эквивалентный С. Эфрону не только с феноменом рыцарства, но даже, возможно, с Орфеем. Существует мнение, что в фамилии «Эфрон» поэтесса видела анаграмму имени «Орфей» [см.: Саакянц 1997: 10]. Показательно, что в цветаевской художественной системе «поэтический дар, символическим воплощением которого становится Орфей» [Фокина 2012: 73], наделяет своего обладателя предрешенностью страдания и более того, носителю «творческого начала <...> часто придаются черты избранности и мученичества» [Фокина 2012: 79]. Кроме печали с античным певцом С. Эфрона в цветаевском восприятии могли роднить и творческие способности. Известно, что у реального Сергея Эфрона были неплохие

литературные данные, впоследствии несколько приглушенные присутствием рядом более сильного поэта.

В стихотворении образ С. Эфрона наделяет избранностью некая печать, отображающая, что «В его лице трагически слились / Две древних крови». Для М. Цветаевой было важно такое генетическое единение, это делало в её глазах мужа особенным, наделенным неповторимой индивидуальностью. В вышеупомянутом письме В. Розанову М. Цветаева с гордостью подчеркивает: «В Серёже блестяще соединены две крови – еврейская и русская. Он *блестяще* одарен, умен, благороден <...> Мать его урождённая Дурново...» [Цветаева 1998: 120]. Трагичность избранности от единения двух древних кровей как символа «души и жизненных сил» [Андреева 2004: 263] также делают С. Эфрона в цветаевском мифе сопричастным рыцарству.

Среди иных качеств соответствующих куртуазным представлениям следует отметить тонкость, вдохновенность, духовную глубину.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны.

Ветви указывают на юность и невинность, крылья говорят о свободе и вдохновении, а глаза – это неизмеримая глубина души, пучина эмоций и желаний.

В заключение М. Цветаева утверждает, что «в его лице я рыцарству верна...». Рыцарство способствует «превращению обычного человека <...> в человека духовного» [Андреева 2004: 433], чистого в своих помыслах и устремлениях. Концепт «рыцарство» включает как в свой генетический слой, так и сохраняет в культуре Серебряного века и главное в ментальном мире М. Цветаевой следующие смысловые показатели – отвагу, силу, нравственное совершенство. Смысловая доминанта данного стихотворения заключена именно в этой последней строфе:

В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

В очерке «Нездешний вечер» поэтесса, воспроизводя свою беседу с М. Кузьминым, охарактеризует их общую эстетическую установку. «Всё ради этой строки написано? – Как всякие стихи – ради последней

строки. – Которая приходит первой» [Цветаева 1997 кн. 1: 282]. Не подлежит сомнению, что смысловым центром стихотворения «Я с вызовом ношу его кольцо...» («С. Э.») является именно последняя строфа.

Как уже было ранее упомянуто, поэтесса в данном тексте впервые отождествляет С. Эфрона с рыцарем. Примечательно, что в цветаевском понимании рыцарства есть некоторые отголоски пушкинского видения, которое явно прослеживается в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный»:

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

<...>

Сопоставив оба стихотворения можно заметить скрытое влияние образной системы пушкинского текста на цветаевский. Неслучайно образы «рыцаря бедного» и С. Эфрона оказываются во многом близки.

Подводя итоги, необходимо отметить, что М. Цветаева, интерпретируя концепт «рыцарство», сохраняет основные признаки исторической модели рыцарства. Среди генетических слоев цветаевского концепта можно выделить: доблесть, благородство, избранность, характерные и для средневекового рыцарского кодекса. Интерпретируя концепт «рыцарство», М. Цветаева соотносит его со своим авторским мифом о Сергее Эфроне. Мифологизация личности С. Эфрона и отношений, которые связывали супругов, трансформируют традиционный концепт «рыцарство». Характерной становится идея воспевания не рыцарем Прекрасной Дамы, а то, что лирическая героиня, соотносимая в цветаевском мифе с личностью поэтессы, воспекает мужа, представляющего в ее лирике своего рода рыцарем. Другим показателем трансформации традиционной рыцарской модели является осмысление М. Цветаевой своего супружества как братства. В стихотворение обыгрывается в качестве обета супружеской верности приобщение лирической героини к рыцарству («В его лице я рыцарству верна...»). М. Цветаева не только воспекает, но и любит С. Эфроном, облагораживает его. Стихотворение обыгрывает идею верности рыцарству и

мужу, утверждение пронести эту сильную, неисчерпаемую и самоотверженную любовь через всю свою жизнь.

Кроме этого, в концепт «рыцарство» в цветаевском истолковании входит еще важный культурный слой – интертекстуальные отсылки к творчеству А.С. Пушкина, а именно к стихотворению «Жил на свете рыцарь бедный...».

Все вышеперечисленные факты обуславливают своеобразие цветаевского концепта «рыцарство» и символики, связанной в стихотворении с рыцарской темой и образом Сергея Эфрона.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева В. Колесо (Кольцо, Круг) // *Андреева В.* Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы. – М.: Астрель, АСТ, 2004. С. 240–246.

Андреева В. Кровь // *Андреева В.* Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы. – М.: Астрель, АСТ, 2004. С. 263–265.

Андреева В. Рыцарь // *Андреева В.* Энциклопедия. Символы. Знаки. Эмблемы. – М.: Астрель, АСТ, 2004. С. 433–434.

Бенуас Л. Знаки, символы и мифы; [пер. с франц. А. Калантарова]. – М.: Астрель, АСТ, 2004.

Зюмтор П. «Куртуазия»; [пер. с франц. И.К. Стаф] // Опыт построения средневековой поэтики. – СПб.: Алетейя, 2003. С. 480–489.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ. Филологический факультет, 1996. С. 90–105.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия ОРЯ: Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. С. 3–9.

Луцицкая С.И. Рыцарство // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 431–437.

Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1997.

Степанов Ю.С. Концепт // *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. С. 42–83.

Фокина С.А. Пушкинские реминисценции в контексте орфического мифа в цикле Марины Цветаевой «Андрей Шенье» // *Nová filologická revue: [ČASOPIS O SÚČASNEJ LINGVISTIKE, LITERÁRNEJ VEDE, TRANSLATOLÓGII A KULTUROLÓGIJ]. – ROČ. 4, ČÍSLO 2, DECEMBER 2012. С. 73–81.*

Хэйзинга Й. Гл. 4: Рыцарская идея // Осень средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указатели Д.Э. Харитоновича]. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 114–130.

Цветаева М. «Я с вызовом ношу его кольцо...» // Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1., Кн. 1.: Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997. С. 202.

Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1., Кн. 2.: Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997.

Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 4., Кн. 1.: Воспоминания о современниках / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997.

Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5., Кн. 1.: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997.

Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6., Кн. 1.: Письма / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1998.

© Митева Е.Н., 2013